

Лина Дель
Лори Райт

ЛЮБОВЬ
ПО
КОНТРАКТУ

Лина Дель

Любовь по контракту

<https://litres.ru/74227213>

Аннотация

— Вот тебе краткое содержание договора, — с едким удовлетворением чеканит он. — Ты выходишь за меня замуж. Берешь мою фамилию. Переезжаешь в мой дом.

Мир сужается до его голоса и стального блеска темных глаз.

— Решешь подать на развод — я уничтожу твоего отца. Расскажешь кому-то об этих условиях — последствия те же. Плохо сыграешь свою роль — ты знаешь, что будет... Если все делаешь правильно и хорошо, я оставлю твоему жалкому отцу его дело и позволю жить привычной жизнью.

Егор Титов — человек без сердца и жалости — пришел, чтобы уничтожить всё, что нам дорого и перевернуть мою жизнь раз и навсегда. У него четкий план мести, в котором я лишь пункт в договоре, способ побольнее ударить моего отца.

Мы оба ведем игру, он мстит, а я выживаю. Два года. Мне нужно продержаться всего два года и я смогу вырваться из своей золотой клетки. Главное помнить - в контракте нет места для любви.

Но что делать когда фальшивые улыбки вдруг становятся пугающе реальными?

♥#ФИКТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

♥#ИГРА НА ПУБЛИКУ

♥#СЕМЕЙНЫЕ ТАЙНЫ

♥#ОТ НЕНАВИСТИ ДО ЛЮБВИ

♥#ВЛАСТНЫЙ ГЕРОЙ С НЕПРОСТЫМ ПРОШЛЫМ

♥#НЕВИННАЯ ГЕРОИНЯ С СИЛЬНЫМ ХАРАКТЕРОМ

!!#БЕЗ ЖЕСТИ И ПРИНУЖДЕНИЯ

!!#ХЭ ОБЯЗАТЕЛЬНО

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	33
Глава 6	42
Глава 7	50
Глава 8	59
Глава 9	65
Глава 10	72
Глава 11	81
Глава 12	91
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Глава 1

Яна

Я замираю, не донеся стакан до рта, когда из глубины дома доносится гневный голос отца. Если папа кричит, значит, случилась катастрофа. За всю жизнь я слышала его крик всего пару раз.

Внутри все сжимается от неприятного предчувствия. Я ставлю стакан на каменную столешницу и направляюсь к его кабинету, откуда доносится очередной взрыв.

— Этому никогда не бывать! Ты, щенок, совсем спятил?!

Я тянусь к дверной ручке, но замираю, услышав второй голос.

На фоне отцовской ярости он звучит пугающе спокойно и настолько негромко, что слова разобрать невозможно, только низкий, уверенный баритон.

От него по спине пробегает неприятный холод, любопытство раздирает. Закусываю губу и, почти ненавидя себя за это, прижимаюсь ухом к двери.

— Ты заявляешься в мой дом, — гремит отец, задыхаясь от гнева. — Суешь свои чертовы бумаги, указываешь мне, что делать, угрожаешь... И после этого хочешь, чтобы я с тобой разговаривал нормально? Все стадии нормального общения мы давно прошли!

— Я не указываю вам, что делать, — возражает собеседник бесстрастно и звучит немного скучающе. — Я всего лишь объяснил, как будет дальше. Решение, как и прежде, остается за вами.

— Не надо строить из себя благородного! — снова взрывается отец. — Ты прекрасно знаешь, что выбора у меня нет!

— Выбор есть всегда, — следует спокойный ответ. — Нужно лишь взвесить последствия. Особенно если решение окажется неверным.

— Яну ты не получишь, Титов! — хрипло говорит отец. Уже тише, но твердо.

Я напрягаюсь всем телом, услышав свое имя, и сильнее прижимаюсь к двери.

— Что ж, — в словах собеседника сквозит едкая усмешка, — меня и это устраивает. Вполне будет достаточно того, что вы строили всю свою жизнь.

В следующую секунду дверь резко распахивается. Я едва успеваю отскочить на шаг назад, избегая столкновения с высоким мужчиной в идеально сидящем деловом костюме.

Он замирает, останавливаясь в шаге, и его губы изгибаются в неприятной, холодной улыбке, не затрагивающей глаза, когда он осматривает меня.

— Добрый вечер, Яна, — произносит он с насмешкой.

Его пронзительный взгляд темных глаз медленно скользит по мне от босых ног в домашних штанах, поднимается выше, к топу на лямках, и, наконец, останавливается на глазах. Он

не выглядит заинтересованным, скорее, его взгляд оценивающий. Так, как смотрели бы на лошадь, которую покупают.

— Интересно было?

— Эм... я... — слова застревают в горле, совершенно теряюсь.

— Позвольте пройти, — прерывает он мои жалкие попытки найти хоть одно достойное оправдание того, почему я здесь нахожусь.

От него исходит надменная давящая энергия, что с непривычки оглушает, заставляет чувствовать себя ненормально. Я моргаю пару раз, приходя в себя, и, кивнув, отступаю в сторону. Он отточенным движением поправляет пиджак и направляется к выходу.

Несколько секунд я смотрю ему вслед, пока не вспоминаю, зачем вообще здесь оказалась. Захожу в кабинет, когда отец грузно оседает в кресло. Его лицо приобретает почти бордовый оттенок, и он тяжело дышит.

— Папа!

Я подбегаю к нему, наливаю воду и придерживаю его руку, пока он делает несколько глотков. Его ладонь в моей горячая и влажная, пульс под пальцами рвется, как пойманная птица.

— Пап... — голос предательски дрожит. — Дыши. Медленно. Со мной, хорошо?

— Я... нормально, — пытается отмахнуться он, но, встретив мой взгляд, сдается. Несколько секунд мы сидим молча, меня переполняют тревога.

— Ты меня напугал, — я отпускаю его руку и поддвигаю стул ближе к его креслу. — Кто это был? Что ему нужно?

Отец устало проводит рукой по лицу.

— Прошное, Януся. Прошное, которое решило напомнить о себе.

— У тебя были проблемы с этим человеком?

— Не с ним. С его отцом. А этот сукин сын решил поиграть в мстителя.

— Ладно, — выдыхаю я, стараясь держаться. — Мы справимся с этим мстителем, пап. Ты только не переживай так.

Он небрежно кивает, хотя я вижу, что он уже провалился в какие-то свои мысли.

— Пап? — мягко возвращаю его. — Насколько большие у нас проблемы и чем я могу помочь?

Он долго смотрит на меня, будто борется с собой, не зная, стоит ли быть со мной откровенным.

— Я не уберег тебя, дочка.

— О чем ты?

— Этот человек, Егор Титов. Он приехал лично кинуть мне документы. Суд, арест счетов, кредиторы. В последнее время у нас была череда проблем, бесконечные проверки, налоговая надела... Все его рук дело. Он все устроил. Теперь бизнес переходит к нему. Со всеми активами и долгами.

— Как?.. — голос срывается. — Это невозможно.

— Возможно, Яна, — устало отвечает он.

— Но почему? Зачем он это делает?

— Это старая и долгая история. И сейчас не самая важная. Главное — ты. Траст будет доступен только через два года. До этого... придется подумать, как устроить твою жизнь. Я позвоню друзьям...

Я не слушаю его, оглушенная осознанием и страхом. Не за компанию и деньги, не за то, что мы остались ни с чем и вынуждены использовать связи, чтобы побираться по добрым друзьям. А из-за того, что это означает.

В голове гудит одна мысль — без денег не будет лечения. А без лечения отец не протянет эти два года.

— Пап, подожди... — медленно произношу я, прерывая его поток мыслей. — Все это не вариант. Нам нужно все исправить, иначе...

Я не договариваю из-за кома в горле, но он все понимает.

— Яночка, — тяжело вздыхает. — Послушай...

— Нет, погоди. Он говорил про выбор. Я слышала. Значит, он предложил тебе какую-то сделку? Есть какой-то способ договориться?

— Это не сделка, Яна. Это адский контракт.

— Но он сохранит нам компанию?

— Яна, это не вариант. Я не позволю этому гаду добиться своего. Это исключено!

Я соскальзываю со стула, сажусь у его ног и снова беру за руку, заглядывая в глаза.

— Что он хочет, скажи? Что такого страшного, если ты готов из-за этого все потерять?

Отец снова начинает нервничать, я это вижу. На его лице отражается целая гамма противоречивых чувств.

— Тебя, Яночка. Он хочет тебя.

Глава 2

Яна

Первое мгновение мне кажется, что я ослышалась. Слова отца доходят не сразу.

— Это... шутка? — выдыхаю я. — Я с ним даже не знакома. Для чего я ему?

Отец резко качает головой, будто отгоняя мерзкую мысль.

— Просто ты моя единственная болевая точка.

Он смотрит на меня так, словно ему физически больно это произносить.

— Ему плевать на тебя. Важно лишь то, чего он добивается этим ходом. Вот уж не думал, что после смерти его отца с этой семейкой у меня еще будут проблемы.

Я сглатываю, чувствуя поднимающееся внутри отвращение.

— И этот наглый, зарвавшийся юнец думает, что я отдам ему тебя? — голос отца снова повышается. — За бизнес? Пусть идет к черту!

А я сижу, оглушенная открывшимся масштабом катастрофы. Теперь становится ясно, почему отец так сорвался.

Сердце начинает колотиться, стоит лишь представить, что тот холодный, чужой мужчина способен использовать людей как разменные монеты. Использовать меня!

— Он... — голос подводит, но я заставляю себя продолжить. — Он же не думает всерьез, будто может просто приобрести меня как вещь, правда?

— О, он не просто думает, — горько усмехается отец. — Он уверен. И он идет к этому, сбивая наповал все препятствия.

Этот Титов просто спятил.

Отец тянется ко мне, приглаживает волосы, ласково проводя по ним рукой, как в детстве, когда я пугалась грозы.

— Не волнуйся, Яна. Я не отдам тебя этому мстительному ублюдку. Я что-нибудь придумаю. Найду выход, — говорит он уверенно, но я чувствую, как дрожит его ладонь. — Не бойся, милая.

После того как шок и злость схлынули, на их месте поселился страх. Незнакомый, которого я раньше не знала, страх будущего.

Я размышляла, от чего придется отказаться, чему научиться заново, кем стать, если все рухнет.

Продолжать ли учебу или искать работу?

Продать ли часть вещей уже сейчас?

Да и это все неважно!

Самое страшное, что не будет лекарств для папы, которые ему привозят из-за границы. Не будет первоклассного лечения. Частного врача, который на связи днем и ночью.

Мысль об этом выходила на первый план, вытесняя все

остальное. Я могла потерять деньги, статус, привычный уклад и пережить это.

А вот с осознанием, что могла спасти отца, но ничего не сделала... как мне жить с этим?

Первые дни папа не сидел на месте. Он постоянно с кем-то созванивался, назначал встречи, вел переговоры. Я молчаливой тенью находилась рядом, слушая обрывки разговоров и видя, как один за другим закрываются все возможные выходы.

Титов не был связан с криминалом, но, чтобы уничтожить отца и перекрыть ему любую помощь, явно прибег к помощи каких-то сомнительных типов, из-за которых нам не хотели помогать. Никто не желал наживать себе врагов.

Казалось, за одну неделю мир повернулся к нам спиной.

Я продолжала ходить на учебу. Это было единственное место, где удавалось ненадолго вынырнуть из этого кошмара и представить, что все нормально. Ане, своей единственной подруге, я пока ни о чем не рассказывала, мне самой для начала нужно было уложить все происходящее в голове. Да и она все еще была в Германии, поэтому скрывать, что у меня проблемы, было несложно.

Однажды, подходя к кабинету отца, я услышала, как он говорит с кем-то по телефону, потерявшим былую твердость голосом.

— Да... да, я понимаю, что откладывать уже некуда. Дай мне еще пару дней.

Я остановилась, не решаясь войти. Сердце сжали стальные тиски. Я никогда не слышала отца таким. Даже в самые трудные времена он всегда говорил уверенно, как человек, знающий, что делает. Сейчас в его голосе слышалась мольба.

Все шло к такому исходу.

Титов дал документам ход, поняв, что отец не пойдет у него на поводу.

Я смотрела на папу в тот момент, постаревшего лет на десять за последнюю неделю. И понимала, что не могу жить, зная, что могла что-то сделать, но бездействовала в один из самых трудных периодов его жизни.

Потому что где-то глубоко внутри уже шевелилась пугающая мысль: а что, если выхода действительно нет?

И что, если выбирать придется не папе...

На следующий день вместо учебы я отправляюсь в офис Титова. Здание встречает зеркальным стеклом и металлом. Повсюду идеальная современная картинка, место, в котором мне, возможно, когда-то бы захотелось работать. Но сейчас эта обстановка только усиливает неровный стук сердца, ладони потеют.

Я боюсь этой встречи, и глупо это отрицать.

На входе охранник останавливает меня.

— Вы куда, милочка?

Я бросаю на него недобрый взгляд. Я действительно сейчас похожа на милочку?

— Мне нужен Егор Титов, — уверенно говорю я, надеясь, что он отстанет.

— Вам назначено? — с сомнением осматривает меня.

— Нет, но уверена, он захочет меня выслушать.

— Ага, конечно, — усмехается охранник и связывается с кем-то по телефону. — Тут к Егору Николаевичу рвется дама...

Дама? Мне двадцать, придурок.

— Имя?

— Яна Павловна Некрасова, — произношу с отчеством, чтобы придать себе немного веса, особенно на фоне Егора Николаевича.

Охранник передает, ждет чего-то, затем кивает:

— Вас будут ждать, Яна Павловна. Последний этаж, — неожиданно любезным тоном говорит он, но его предыдущие «дама» и «милочка» заставляют меня лишь бросить на него недовольный взгляд и молча пройти в указанном направлении.

Лифт поднимается слишком быстро, и я вижу свое лицо, мелькающее в отражении стеклянных стен. Слишком бледная от переживаний, с темными кругами после бессонной ночи. Одежду я специально выбрала попроще: джинсы, свитер и поверх кожаная куртка. Волосы убрала в высокий хвост. Максимальный комфорт хотя бы в этом.

Вскоре я оказываюсь в просторном помещении, строгом, без лишних деталей и без единого цветка. Навстречу мне

поднимается красивая молодая женщина и произносит с приклеенной дежурной улыбкой:

— Егор Николаевич еще на встрече. Прошу, присаживайтесь, это ненадолго.

Я сажусь, едва чувствуя свое одеревеневшее тело. Если они заставят меня ждать тут неизвестно сколько, я точно от переживаний грохнусь в обморок.

— Подать вам чай или кофе, Яна Павловна?

Качаю головой и крепче сжимаю лямку сумки, начиная обратный отсчет. То и дело ловлю на себе любопытный взгляд секретарши. Наверное, к ним нечасто заглядывают люди в столь неформальном виде.

К тому моменту, как она говорит мне, что Егор Николаевич меня ожидает и я могу войти, меня уже не на шутку трясет. На негнущихся ногах я захожу в кабинет и обнаруживаю, что там нет никакого совещания. Мимо меня никто не проходил, значит, он заставил меня ждать просто так? Просто потому что это в его власти?

Его кабинет, как я и ожидала, строгий, просторный и продуманный. С потрясающим видом на залив благодаря панорамным окнам, на фоне которых я замечаю Титова. Он стоит спиной ко мне, разговаривая по телефону, а я замираю на пороге, не зная, что делать.

— Да, хорошо. Обязательно. До встречи, — говорит спокойно и завершает разговор, а потом оборачивается.

Наши взгляды встречаются. К своему удивлению, я не ви-

жу на его лице ни удивления, ни самодовольства, только ленивое внимание, будто он знал, что я приду.

— Добрый день, Яна, — произносит ровно, складывая руки в карманы и медленно приближается. — Чем могу помочь?

Глава 3

Яна

О, Боже, только не говорите мне, что я теперь еще должна расписывать ему, чем этот гад может мне помочь? Я пытаюсь держать лицо, но не уверена, что пара пронзительных взглядов не полетели тут же в его важную персону.

— Я...

— Присядете? — перебивает он, вдруг указывая на место перед его огромным рабочим столом.

Я закрываю рот и делаю медленный вдох. Ладно, только спокойствие.

Киваю и прохожу на предложенное место, а он обходит стол и садится напротив. Мы теперь чуть ближе, но массивная столешница между нами ощущается как намеренно выстроенный барьер. И, странно, это даже помогает: спазм в груди немного отпускает, становится легче дышать и думать.

— Я пришла обсудить с вами условия, что вы предложили моему отцу...

— Так значит, Некрасов готов на обмен? — насмешливо перебивает и вздергивает бровь Титов.

Раздражение вспыхивает мгновенно.

— Они еще в силе? — игнорирую его вопрос, потому что пока сначала должна узнать все сама, прежде чем Титов до-

гадается, что отец не в курсе о моем визите. Есть большая вероятность, что этот неприятный тип просто не станет со мной говорить.

Внешне Егор Титов совсем не выглядел неприятным. Высокий, с атлетическим сложением, аккуратной стрижкой и правильными чертами лица. У него виднеется шрам над правой бровью и на лбу, который закрывался небрежно спадающей челкой, сломанный нос. Но даже это не портило его. На лице особенно выделялись его темные глубокие глаза. Но именно они же и портили весь образ. В них отражалось то, каким он являлся внутри. Холодным, беспринципным и мстительным.

— Вы в курсе этих условий? — вдруг спрашивает он, не отрывая от меня тяжелого взгляда.

Мы что, так и будем мериться вопросами?

Вспышка гнева на мгновение едва не развязывает мне язык, и я чуть было не посылаю Титова в задницу, но вовремя себя останавливаю и делаю глубокий вдох.

Следующие слова даются тяжело.

— Поскольку это касается меня, я хочу лично обсудить с вами условия и все остальное... если это еще актуально, — выжидающе смотрю на него, пока он сканирует меня.

— Продолжайте, — наконец кивает он.

— Я хочу документально зафиксировать, что вы прекращаете любое давление на бизнес моего отца и останавливаете поглощение. И обсудить, чем именно могу быть вам по-

лезна, раз вам понадобилась я...

Он вскидывает брови, впервые выказывая какое-то подобие удивления, задумчиво касается пальцем губ. Я прослеживаю за этим движением, до боли сжимая лямку сумки, которая после этого похода точно превратится в тряпку. Мы некоторое время молчим, потом он усмехается и снова задает чертов вопрос:

— Хотите кофе?

Моя нервная система, и без того похожая на карточный домик, рассыпается окончательно. Кофе? Тут судьбы решаются, какой к черту кофе?

Я вскакиваю на ноги, гневно глядя на него сверху вниз.

— Нет, Титов, я не хочу кофе! Я ничего не хочу, кроме как четко обсудить то, за чем пришла. Мы приступим уже к этому или будем ходить вокруг да около?

Я кричу на него. Кричу на мать его Титова. На мудака, от которого зависит моя жизнь.

Че-е-ерт, я безнадежна. Нужно было выпить успокоительного или просто выпить. Глупо было думать, что я смогу вести деловую беседу с этим человеком.

— Сядь, Яна, — вежливо, но холодно приказывает он, переходя на ты, видимо, в отместку за мое обращение по фамилии.

Я буравлю его взглядом, пытаюсь понять, он уже готов говорить или у нас продолжится эта тупая игра, которая до тряски меня доведет, но в итоге возвращаюсь на место.

— Разумеется, все будет оформлено документально. С такими людьми, как твой отец, на словах я не работаю, — он с легким оттенком презрения произносит «твой отец», и я проглатываю возмущение и обиду. — Ты все понимаешь из того, что я предложил? Некрасов тебя посвятил в это?

Признаться, кроме тех слов, что «он хочет тебя», я ничего вразумительного не добила. И под этими словами могло иметься в виду что угодно. Мои мысли бродили от самых непристойных до самых нереалистичных. Ну а что, вдруг он хочет, чтобы я трудилась на благо его компании?

— Он сказал, что я нужна вам... зачем-то, — осторожно отвечаю я. — Я могу работать у вас, быть личным ассистентом, уборщицей... Да кем скажете.

Титов удивленно меня рассматривает пару мгновений, а потом начинает смеяться. Но не искренне, смех звучит недобро.

— Боже, как наивно. Нужна... — медленно повторяет он, будто пробует на вкус это слово. — Звучит слишком пафосно, тебе не кажется? И это не совсем подходящее слово для того, что я предложил...

— Тогда посвятите меня в эту тайну, раз я здесь.

— Ты зря тратишь мое время, — качает головой, отмахиваясь от меня. — Обсуди детали со своим отцом и потом уже приходи, если осмелишься.

Такого поворота, что Титов просто не станет со мной ничего обсуждать, я не ожидала. Поэтому я пару мгновений

смотрю на него, сведя брови. Ну нет, скользкий гад, мы с тобой обсудим все здесь и сейчас или я...

— Еще что-то? — он вопросительно приподнимает бровь, будто не понимает, почему я все еще здесь.

— Да! Послушайте, это ведь касается нас с вами. Я думаю, будет справедливо, если мы не будем впутывать сюда третьих лиц...

— Из-за, как ты выразилась, третьих лиц это все и делается, так что...

— Папа не знает, что я здесь... — выпаливаю, пока он не вызвал охрану, чтобы меня выпроводить. — Поэтому либо вы мне все объясняете, либо ничего не будет.

Он с задумчивым прищуром смотрит на меня, слегка покачиваясь в кресле, потом усмехается.

— Что ж, хорошо, — вдруг соглашается он и резко подается вперед.

И хоть между нами все еще стол, я едва сдерживаю порыв отшатнуться, потому что в глазах Титова мелькает что-то пугающее.

— Вот тебе краткое содержание договора, — с едким удовлетворением чеканит он. — Ты выходишь за меня замуж. Берешь мою фамилию. Переезжаешь в мой дом.

Мир сужается до его голоса и стального блеска темных глаз.

— Решишь подать на развод — я уничтожу твоего отца. Расскажешь кому-то об этих условиях — последствия те же.

Плохо сыграешь свою роль — ты знаешь, что будет... Если все делаешь правильно и хорошо, я оставлю твоему жалкому отцу его дело и позволю жить привычной жизнью.

Каждая его фраза режет изнутри, заставляя меня с ужасом смотреть в его лицо. В этот момент моя жизнь переворачивается.

Он откидывается на спинку стула, достает из ящика бумаги и небрежно кидает их мне через стол.

— А здесь расширенный список того, что от тебя требуется. Изучи внимательно.

Я машинально ловлю бумаги.

— В семь буду ждать тебя в ресторане. Адрес тебе отправит секретарша.

Он холодно смотрит на меня, пока я пытаюсь снова начать дышать, и вскидывает бровь.

— Еще вопросы?

Дорогие читатели, добро пожаловать в нашу новинку) Будет эмоционально и интересно####

Ставьте сердечки и добавляйте в библиотеку и делитесь, как вам герои.

Обложка покрупнее

Глава 4

Яна

Из офиса Титова выхожу на ватных ногах и ищу убежища в ближайшей кафешке, чтобы перевести дух и прийти в себя.

Внутри тепло, пахнет кофе и выпечкой. Слишком нормально для моей обрушившейся жизни.

Я заказываю кофе и убегая в уборную. Умываюсь ледяной водой, чтобы мир хоть немного собрался в фокус.

Поднимаю глаза на свое отражение. Лицо бледное, но, удивительно, я выгляжу обычно, хотя, казалось, должна рассыпаться по кусочкам от страха.

В голове пусто. Никакого страха нет, как и напряжения, которое я испытывала с утра, теперь только опустошение.

Ты выходишь за меня замуж.

Фраза как заевшая пластинка проигрывается в мозгу.

Я возвращаюсь к столу и смотрю на папку с документами с опаской. Медленно открываю ее, листая бумаги. Внушительный объем требований. Я пробегаю глазами по буквам, не замечая ни музыки, ни людей, что сидят за соседними столиками.

Они живут свою обычную жизнь, непринужденно болтают, смеются, работают, куда-то спешат и строят планы. И никто не знает, что рядом с ними есть человек, чью судьбу толь-

ко что расписали по пунктам.

Закончив читать, я шумно выдыхаю, закрывая лицо руками. Неужели это все ради мести?

Я думаю о папе. О том, как он сидел в кресле, постаревший и сломленный. О его руках, голосе, о страхе в глазах, который он так старался скрыть.

Вот почему он так разозлился. Для него лучше потерять все, чем согласиться на условия этого человека.

Если я соглашусь, это подкосит его, разобьет сердце.

Но если откажусь, он не протянет и года.

Этот контракт — рабство. Тюрьма за красивым фасадом. В моем понимании, конечно. Следовать приказам, жить по указанию и ставить в приоритет все поручения незнакомого человека. Что может быть хуже?

Теперь я понимаю, в чем именно заключается месть. Насколько это жестоко по отношению к моему отцу и ко мне. Взять того, кого он любит, и превратить его в марионетку.

Я для Титова — дочь врага, хотя никогда не знала этого человека прежде и лично ему ничего плохого не делала. Но судьбу он приготовил для меня соответствующую моему статусу в его глазах.

Все внутри меня противится этой сделке с дьяволом, сжимается, требует бежать, протестовать, послать его подальше. Но под этим слоем зреет страшное понимание — решение уже принято.

К семи я буду там.

Ресторан встречает мягким светом и приглушенной музыкой. Повсюду красивые люди, негромкий гул голосов и искрящаяся роскошь. Я не подхожу к этим декорациям, потому что специально не стала переодеваться, решив остаться в той же одежде. Это маленький бессмысленный вызов, который я могу себе позволить. Пока моей подписи нет на этих документах и пока моя фамилия Некрасова, я буду делать все по-своему.

Метрдотель ведет меня к столику у окна. В таких ресторанах нет тесноты и много комфортного и приватного пространства. Сейчас это скорее минус, чем плюс.

Титов уже там, изучает меню, делая вид, что не заметил моего появления. Я сажусь напротив, складывая руки на столе, и жду. Некоторое время мы молчим.

— Выберешь что-нибудь? — спрашивает, не поднимая глаз, и добавляет с насмешкой. — Не переживай, я оплачу чек.

Вот скотина. У меня пока еще есть деньги!

— Нет, спасибо, я не голодна.

Мне сегодня ничего не лезет от стресса, о еде не могу даже думать. И сюда я пришла не ужинать с ним, ведя светские беседы.

Пока он делает заказ, я рассматриваю его исподтишка. Выглядит все таким же собранным, без следа усталости, только галстук ослаблен и верхняя пуговица расстегнута. Он

кажется спокойным, нет того мстительного выражения в глазах, но я больше не обманываюсь в его отношении ко мне. Он не нейтрален, он ненавидит меня и моего отца. И мне лучше держать это в голове на постоянной основе.

— Итак, ты все же здесь? — Титов переводит взгляд на меня, едва официант отходит.

Я могла бы сказать ему: как будто у меня есть выбор. Но отлично помню, что он ответил отцу на эти слова.

— Да. У меня возникли вопросы, — стараюсь звучать максимально по-деловому, как будто речь не идет о моей дальнейшей жизни.

Его губы трогает легкая усмешка.

— Слушаю.

— Я не нашла пункта о сроке, — начинаю с самого волнующего. — Насколько мне предстоит стать вашей женой?

— Настолько, сколько это будет необходимо.

— Необходимо для чего? — хмурюсь.

— Это не твое дело.

Тут я бы поспорила, но понимаю, что все тщетно.

— Ну хотя бы приблизительно, — прошу я. — Год? Два?

— Я не могу назвать срок.

— Ну не десять же лет? — вырывается у меня с отчаянием.

— Кто знает... — пожимает плечами.

В груди неприятно тянет. Я замолкаю, раздумывая над грядущими перспективами провести лучшие годы своей

жизни в плену у психопата, где срок заточения растворяется в его «кто знает». Сглатываю сухим горлом и смотрю на Титова, но его лицо совершенно нечитаемо, когда он изучает меня в ответ.

— А... супружеские обязанности... я не нашла ответов в бумагах, — отчаянно стараюсь не покраснеть, но уже чувствую, как предательский жар ползет по коже, и ухмылка Титова делает ситуацию только хуже.

— Ты будешь моей, но ты мне не нужна, — отвечает равнодушно и добавляет: — В этом плане. Хотя если тебе очень захочется, можешь попросить. Обещаю подумать.

Мой гневный и полный отвращения взгляд вызывает только ухмылку, и он добавляет:

— Но надеюсь, ты ясно усвоила то, что никаких интрижек я не потерплю.

Да, этот момент я усвоила. Нельзя влюбляться, дружить с мужчинами и, конечно же, иметь сексуальные связи. Видимо, моя девственность со мной теперь надолго. Мне хочется застонать от досады.

— До свадьбы живешь свою обычную жизнь, — продолжает Титов. — Потом будут коррективы.

— Какого рода?

— Ничего сверх того, что описано в контракте. Сопровождение на различные мероприятия, некоторые бизнес-встречи. Это в приоритете. То есть если я говорю, что ты мне нужна сегодня, ты бросаешь все свои дела, надеваешь

маску и играешь свою роль.

Теперь я еще и эскорт. Отлично.

— И выглядеть тебе придется соответствующе, — он бросает демонстративный взгляд на мой свитер. — Даже в обычные дни. Но это тоже после свадьбы.

Значит, не нравится мой прикид? Ну придется потерпеть, мудак.

— С папой мне тоже запретите видеться? — цежу сквозь зубы.

Это было бы вполне в духе мстителя. Титов фыркает.

— Нет, зачем? Он же должен своими глазами видеть счастье любимой дочери, — он так и сочится сарказмом. — Можешь видеться с ним. Но каждую ночь ты должна проводить в моем доме. Никаких отлучек и ночевок в других местах.

Да, это я уяснила еще днем. Есть еще один очень важный момент, который мне стоит отвоевать. Потому что если это удастся, то, возможно, я сама смогу решить, когда мне свалить от этого мстителя.

— Мой трастовый фонд, который будет доступен через два года. Я хочу прописать в контракте, что он только мой и вы не имеете на него никаких прав.

— Я не против, — кивает он.

Я даже зависаю на мгновение. Так просто? За траст я собиралась биться не на жизнь.

Возможно, он не до конца понимает, что с этими деньгами я смогу обеспечить отца лекарством, и пусть он хоть все

у нас заберет потом, до траста он все равно не доберется. Я задумчиво рассматриваю его, впервые осознавая, что он не распознал моей мотивации. Он не понял, что я делаю это ради отца, а не ради бизнеса. Что если бы не его болезнь и дорогостоящие лекарства, я бы ни за что на это не согласилась.

Что ж, это даже мне на руку. Пусть считает меня меркантильной сукой, которая боится остаться без денег. Чем меньше он знает про нас с папой, тем лучше.

С трудом удерживаю на лице серьезное выражение, не позволяя себе порадоваться своему козырю.

Теперь я буду решать, когда мы разведемся, Титов. И срок нашему браку два года.

— И еще одно, — чуть прищурившись, говорит он, его тон становится ниже. — Этого нет в бумагах, но ты должна знать — я не терплю истерик, манипуляций и показательных жертв. Ты либо играешь эту роль достойно, либо не играешь вообще. Поняла?

Поняла ли я? О да, конечно поняла, что Титову нужна бездушная кукла рядом, которая будет исполнять все, что он посчитает нужным. Не будет чувствовать, жаловаться, омрачать своими эмоциями его существование.

— Я отдаю в ваши руки свою жизнь, — говорю спокойно. — Извините, если я немного драматизирую.

— До свадьбы можешь позволить себе слабость, потом я не желаю видеть подобные выражения на твоем лице. Они портят аппетит.

Я смотрю на него, не понимая, где и когда этот мужчина растерял человечность и эмпатию. Он так молод, всего на шесть лет старше меня, но ведет себя как бездушный кусок дерьма.

Титова не трогает, что я буравлю его взглядом, он достает из портфеля документы и протягивает мне.

— Если вопросов больше нет, можем закончить.

Закончить...

Слово звучит издевательски. Для меня все только начинается.

Я молча беру первый лист. Пробегаю глазами по строчкам, которые уже читала днем. Они не изменились. Но я все равно проверяю, чтобы не появилось ничего нового.

Титову приносят еду, и он безмятежно приступает к трапезе, не обращая на меня внимания. Не торопит. Уверена, что он бы тоже перечитывал любые документы, которые ему предстояло подписать.

Я заканчиваю и беру ручку. Рука, занесенная над документом, замирает.

В последний момент поддаюсь здравому смыслу, жалости к себе и инстинкту самосохранения.

— Что-то не так?

Его вкрадчивый голос только усиливает внутреннюю агонию. Мы встречаемся взглядами, он пригвождает меня своим тяжелым и темным, в глубине которого плещется раздражение.

Я выпускаю ручку из пальцев.

Глава 5

Яна

— Некрасова, — тоном Титова можно заморозить воду в стакане.

Неотрывно смотрю в документы, не в силах справиться с подкатившей паникой.

Что я творю? Что?

Папа не знает, что я здесь.

Прямо сейчас я отдаю себя в руки незнакомого мужчины.

А вдруг папа прямо сейчас нашел выход и ждет меня дома с хорошими новостями?

У меня, как в последнюю секунду жизни, она вся словно проносится перед глазами. И я никогда не смогу к ней вернуться.

Все изменилось с появлением в ней Титова.

Кого я обманываю? Выхода нет.

Я медленно выдыхаю, снова беру ручку, на этот раз чувствую онемение в пальцах. Они не слушаются.

Папа никогда не должен узнать, какой ценой мне далось это решение. И он никогда не узнает, как будет строиться моя жизнь в браке. Даже если я буду очень несчастна, он не узнает. Я не позволю Титову добиться своего.

Под испытывающим взглядом мужчины больше не разду-

мываю и ставлю размашистые подписи.

Чернила ложатся ровно и красиво. Один лист. Второй. Третий.

Каждая подпись как маленький щелчок замка на кандалах, которые я добровольно надеваю.

Когда я заканчиваю, Титов молча забирает документы, просматривает их внимательно, проверяя, ничего ли я не пропустила. Кивает сам себе и тоже подписывает. Быстро и уверенно.

Папка закрывается, и он убирает ее в портфель.

— Завтра тебе пришлют копии, — холодно произносит он. — Поздравляю, Яна.

Я дергаюсь от его последних слов. Меня физически пронзает боль. Хочется ударить его. Или рассмеяться в лицо. Я сама не понимаю своих порывов. В голове шум и каша.

Медленно кладу руки на стол и сцепляю пальцы.

— Итак, теперь вы останавливаете свои мерзкие дела в отношении отца? — уточняю, желая услышать словесное подтверждение.

— Все верно, — подтверждает он, продолжая свой ужин. — Как и написано в контракте.

Смотрю на него в упор, и Титов поджимает губы, поднимая взгляд.

— Что?

— Жду.

Кривая холодная ухмылка поднимает один уголок губ, по-

ка Егор тянется к телефону, разблокирует его и звонит кому-то.

— Да, все готово. Отбой.

Четыре слова. Один приказ. И все. Надеюсь, хоть этот кошмар для папы подойдет к концу.

— Довольна? — вскидывает бровь.

Киваю и не успеваю с облегчением выдохнуть, как Титов словно контрольный в голову пускает.

— Свадьба через две недели.

— Так быстро?

— Вполне достаточно, чтобы мягко подготовиться, оповестить всех, распространить легенду. Кстати, тебе ее тоже завтра пришлют, заучи хорошенько.

Ну конечно, он все продумал.

— Теперь ты под моей защитой и контролем, Яна.

— Это должно меня обрадовать или ужаснуть? — не сдерживаюсь я от горького смешка.

— Это должно тебя дисциплинировать, — говорит строго, отчего его голос забирается под кожу, и я едва сдерживаю дрожь. — Ты прочитала пункт, где говорится о штрафе, если что-то сорвется по твоей вине?

Как тонко он напоминает мне о том, в каком я теперь положении. Сжимаю зубы до боли в челюсти и киваю.

— Тогда можешь идти.

Я встаю. Ноги снова не очень твердо меня держат. Я не спешу и не суечусь, медленно выпрямляюсь и беру сумку.

— И еще один момент, — раздается мне в спину.

Я оборачиваюсь.

— С этого дня ты моя невеста. Не делай глупостей.

Позволяю себе презрительно осмотреть его и спокойно отвечаю.

— Я уже сделала самую большую. Больше не планирую.

Он усмехается, но ничего не говорит.

Выхожу из ресторана, жадно глотая холодный весенний воздух.

Что-то внутри ломается окончательно.

Я просто больше не принадлежу себе.

Вернувшись домой, застаю отца в его кабинете. Обложившись бумагами, он работает даже в столь поздний час.

По дороге домой я успеваю справиться с эмоциями, успокоиться и продумать все свои оправдания для отца.

— Привет, пап, — улыбаюсь я, прислонившись плечом к косяку двери.

— Здравствуй, милая. Ты поздно, — отец поднимает на меня взгляд, прежде чем сделать глоток явно остывшего кофе.

Я осуждающе смотрю на него.

— Кофеин в столь поздний час?

Он подмигивает мне и отмахивается.

— Как прошел день?

Я вхожу в кабинет и опускаюсь на стул напротив. По привычке подбираю под себя ноги и откидываюсь на мягкую кожаную спинку.

— Все хорошо, просто было много дел. Не говори, что ты все еще работаешь с утра?

Отец неопределенно взмахивает рукой.

— Нужно привести дела в порядок. Много всего накопилось.

Я киваю и сцепляю пальцы в замок под столешницей.

— Знаешь, пап... мне нужно с тобой поговорить.

— О чем?

Наш разговор прерывает звонок мобильного. Отец шарит по карманам и, наконец отыскав телефон, отвечает.

— Да. Слушаю. Не понял.

Я нервно сглатываю, пользуясь секундной передышкой. Главное быть спокойной и собранной. Мне необходимо убедить отца в правильности своего решения.

— Это невозможно. Вот как? Хм... Хорошо, я сейчас разберусь.

Едва он заканчивает разговор, как поднимает на меня недоверчивый взгляд, от которого мне становится дурно.

— Ничего не понимаю. Титов отступил. Все документы отозваны по его инициативе.

Делаю глубокий вздох. Момент сам представляется, чтобы выйти на тему.

— Собственно, об этом я и хотела поговорить, — я выталкиваю из себя улыбку.

— Яна! Что ты наделала? — взрывается отец, отбросив от себя бумаги.

— Папа, послушай! — пытаюсь остановить его разрастающийся в глазах ужас.

— Нет, только не говори мне, что ты была у него! Не говори, что имела глупость...

Я вскакиваю со своего места и в пару шагов преодолеваю разделяющее нас расстояние. Отец багровеет от гнева, на виске пульсирует венка, а в глазах читается чистая паника.

По привычке, опустившись рядом с ним на колени, я сжимаю его дрожащую руку.

— Пап, послушай. Да, я говорила с ним и все уже подписала. Но на своих условиях. Мы все обговорили, и это наилучший выход, — тараторю я на одном дыхании. — Наши отношения полностью управляются условиями контракта. Все чисто. Он ничего мне не сделает! Не сделает ничего плохого.

— Плохого, Ян? Как ты можешь быть в этом уверенной...

— Нет... — прерываю я отца, снова сжав его руку. Не знаю, откуда берутся эти сила и уверенность в голосе, но у меня получается искренне улыбнуться. — Он думал, что заденет тебя. Что ж, не позволяй ему этого, потому что со мной все будет хорошо. Я все продумала. Это всего на два года, и я разведусь с ним, как только получу траст.

— Яна, — мучительно стонет отец, я его ничуть не успо-

коила. — Ты не понимаешь, что такое брак...

— Я уже не маленькая и все отлично понимаю, — пытаюсь звучать уверенно и отчаянно стараюсь не покраснеть. — Интимную сторону брака мы тоже обсудили. Ничего не будет. Наши отношения полностью фиктивные. Титов ясно дал это понять. И в договоре это прописано.

Отец кривится, будто мои слова приносят ему физическую боль. Он качает головой и закусывает губу, словно уже продумывает, как аннулировать контракт.

— Пусть он потешит свое самолюбие, решит, что унизил нашу семью или обидел. Это ерунда. Я буду продолжать учиться, получать образование, видаться с тобой. Моя жизнь практически не изменится. Он дал мне слово! А сопроводить его на светских мероприятиях не такая большая цена за все, что нам удастся сохранить. Главное ты не переживай за меня. Уж с Титовым я справлюсь.

— Ты понимаешь, на что обрекаешь себя? — спрашивает отец без тени улыбки. — Это же твоя жизнь, Яна. Я знал его отца, очень хорошо знал. Он был ненормальным, монстром, который обращался со своей женой самым ужасным образом. Если его сын хоть немного похож на него...

Мое сердце сжимается. Он выглядит таким испуганным и уязвимым в этот момент, пожалуй, впервые в жизни. Я чувствую, что моя маска трещит. Мне ужасно стыдно, что я заставляю отца испытывать такие чувства.

— Со мной все будет хорошо, — ложь, в которую в этот

момент я готова была поверить. — Два года небольшой срок. Потом мы забудем обо всем как о страшном сне. Я обещаю тебе, все будет хорошо! Я никогда тебя не подводила. Верь мне!

Отец выглядит подавленным, но я дожимаю.

— Это наше время, чтобы что-то придумать, защититься от Титова. Пусть ведет свою игру, а мы будем вести свою. Пап, только не дай ему добиться своего. Не дай ему тебя сломать. Потому что меня он не сломает точно.

Я говорю это с непоколебимой уверенностью, наверное, потому что в это верю сама. Отец долго молчит, эти минуты кажутся вечностью. Потом его плечи опускаются, он качает головой, явно не в силах примириться с этой мыслью в своей душе.

— Яна... — шепло говорит он. — Если он хоть что-то сделает. Хоть пальцем тронет... Пообещай, что сразу скажешь.

— Я обещаю, — прерываю я отца, прижимаясь горячей щекой к его ладони. — Если такое случится, я сразу же уйду! Я все расскажу тебе. Мы справимся!

И когда я научилась так виртуозно врать? Ни один мускул на моем лице не дернулся.

— Я не дам себя в обиду. И я никуда не денусь, пап. Буду все так же докучать тебе своей глупой заботой.

Отец улыбается. Хоть улыбка и выдается снисходительной и грустной.

— Запомни! Ты единственное, что для меня важно, Ян.

Плевать на фирму, деньги и все активы. Только ты...

— Я знаю, папочка. Знаю...

Так мы и сидим. Не знаю, сколько времени проходит. Может, десять минут, а может, и час. Я кладу голову на его колени и прикрываю глаза, а отец гладит меня по волосам, словно я снова его маленькая девочка. Я не решаюсь заговорить, отец тоже.

— Иди, отдыхай, — наконец вздыхает отец, убирая руку.

— Мне нужно еще немного поработать.

— Уверен? Уже поздно, тебе тоже не помешало бы отдохнуть.

— Не нужно со мной нянчиться, Яна, — чуть раздраженно говорит он, и я закатываю глаза. — Мне нужно разобраться с делами.

Сдаюсь и на ватных ногах иду в свою комнату. Тяжесть на плечах кажется вселенской. Едва я переступаю порог своей комнаты, телефон в кармане оповещает о новом сообщении.

Неизвестный номер.

Только адрес и время.

В такой форме преподносить информацию может только один человек.

Будь ты проклят, Титов.

Глава 6

Яна

Приезжаю в назначенное место заранее. Найти парковочное место для моего маленького красного миникупера оказывается нелегкой задачей. В центре города кипит жизнь. Толпы людей, туристы с телефонами, снимающие все вокруг, туристические автобусы, громкие сигналы машин. Я люблю Питер за его атмосферу, колорит и контрасты. И плевать на погоду.

Когда я наконец подхожу к свадебному салону, нервничаю уже так сильно, что жалею об утреннем кофе и скудном завтраке, который заставила себя проглотить.

Бутик на Невском проспекте явно безумно дорогой. Винтажные витрины в элегантном оформлении, французское название и роскошные платья на манекенах. Я тяжело сглатываю, замерев перед входом. Мне совсем не хочется видеть сейчас Титова. Я даже не уверена, будет ли он здесь.

Оказывается, когда тебе вот так указывают, что делать, это может сильно раздражать. Но я ведь понимала, на что шла. Сегодня я пропускаю пары из-за того, что Титов сказал, а я должна слушаться. Первый пропуск за три года.

Беру себя в руки, стараясь отбросить все ненужные мысли. Упрямо вздергиваю подбородок и толкаю дверь.

Помещение оказывается светлым и уютным, в воздухе витают ароматы дорогого парфюма, звучит ненавязчивая музыка, и десятки роскошных свадебных платьев висят на золоченых вешалках, ожидая своих избранниц.

— Добрый день.

Я вздрагиваю и резко оборачиваюсь.

Со стороны стойки ко мне навстречу выходит ухоженная статная женщина лет сорока. Светлый брючный костюм сидит на ней безупречно, на лице дежурная улыбка, в руках телефон.

— Яна Павловна, мы вас ждали. Меня зовут Елена. Ваши платья уже подготовлены, пройдемте, — она показывает рукой в сторону выхода во второй зал, а у меня словно кость поперек горла встает...

— Добрый день, — отвечаю я и вновь окидываю зал взглядом, словно из-за манекенов на меня непременно должен выскочить Титов. Но в комнате пусто.

— Егора Николаевича нет, — отвечает на мой невысказанный вопрос Елена. — Он подобрал для вас все необходимые платья. Можете на них взглянуть.

Подобрал для меня платья?

Вежливо улыбаюсь, удерживая на лице невозмутимое выражение. Но кулаки сжимаются в порыве справиться с взметнувшейся злостью. Я и подумать не могла, что даже платье выбрать самостоятельно у меня не будет возможности.

Мы входим в просторную примерочную. У одной из стен

находится небольшой подиум и огромное зеркало-трельяж. Рядом вешалка и пять платьев, покачивающихся на плечиках.

Администратор что-то говорит о коллекциях, стиле и материале, но я ее толком не слушаю. Платья действительно красивые, в любой другой момент они бы могли мне понравиться, но сейчас это моя смиренная рубашка.

— Хотите кофе, чай или шампанское? — уточняет она, заметив, что я не пылаю восторгом.

— Нет, благодарю, — поднимаюсь на подиум, не глядя на администратора. Мне хочется скорее закончить и покинуть салон.

— С какого хотите начать?

Подхожу к платьям, скользнув рукой по одному из них. Приталенный крой, мягкий белоснежный шелк, оно кажется невесомым. Изысканное, достойное невесты влиятельного бизнесмена. Я хмурюсь собственным мыслям. Интересно, Титов выбирал их на свой вкус или просто попросил приготовить несколько разных моделей? Неважно. Одергиваю себя и оборачиваюсь к девушке:

— С этого.

Спустя сорок минут я кручусь перед зеркалом в четвертом платье. Фатиновые юбки шуршат с каждым моим шагом. Легкие воланы переливаются перламутром в свете ламп. Корсет плотно стягивает грудь, делая декольте весьма привлекательным.

Оно мне нравится, в те дни, когда я представляла свою будущую свадьбу, я видела себя в подобном наряде. В меру пышное, элегантное, похожее на платье принцесс из детских сказок. И вот я выросла, но рядом оказался совсем не принц.

Поднимаю взгляд на свое отражение и неожиданно встречаюсь с отражением Титова. Вздрагиваю и замираю, словно кролик перед удавом.

Он стоит в дверях. Руки в карманах, на лице никаких эмоций. То же холодное выражение, слегка задумчивое, нечитаемое. Я не слышала, как он появился. Эта мысль вызывает по телу волну неприятных мурашек.

Я оборачиваюсь. Никаких слов или приветствий. Он наклоняет голову чуть набок, уголок его губ дергается, когда я прижимаю руки к вырезу на груди, стараясь прикрыть его.

Тишина нервирует, поэтому я говорю первое, что приходит в голову:

— Жениху не положено видеть невесту... до свадьбы.

Он усмехается, смотрит на часы на руке и говорит:

— Это платье тебе не идет. Рекомендую обратить внимание на второе.

За его спиной тут же появляется Елена, которая расплывается в благожелательной улыбке. В руках чашечка кофе, очевидно, для него.

— Можем упаковать и доставить куда нужно. Это прекрасный выбор, Егор Николаевич. Последняя коллекция Веры Вонг, произвела настоящий фурор на неделе моды в Па-

риже.

— Хорошо, — кивает Егор с совершенно безразличным видом.

Ему определенно это неинтересно. Как и администратор, которая так и сияет в его присутствии.

На меня никто не обращает внимания. Не спрашивает, не советуется. Будто меня здесь и нет.

— Помогите ей побыстрее переодеться, — говорит Титов, обращаясь к Елене, но вновь поднимая на меня взгляд. — Нас ждут в другом месте.

Он берет кофе и выходит в холл.

Я теряюсь. В мои планы не входило ехать с ним куда-то еще, я думала успеть на последние пары. Но, видимо, у Титова другие планы.

Выйдя из салона, сразу же натыкаюсь на черный мерс Титова, рядом с которым он стоит и что-то печатает в телефоне. Поднимает на меня взгляд, вижу, что раздражен.

— Садись, — кивает он, открывая дверь пассажирского сиденья.

Мгновение сомневаюсь, но сажусь и тут же оказываюсь отрезанной от внешнего мира тишиной салона.

— Куда мы едем? — спрашиваю, стоит только Титову усесться рядом. — Мне приходится пропускать пары. Ты

обещал, что не будешь мешать моей учебе.

— А ты подписала документ, где официально согласилась ставить мои планы превыше своих, — с едкой усмешкой замечает он.

Раздраженно откидываюсь на спинку сиденья, складывая руки на груди. Он прав, но от этого не легче.

— Куда мы едем? — вновь спрашиваю я, когда он легко выруливает на проспект и мчится в сторону Казанского собора.

— У нас фотосессия.

— Что?

— Новость о нашей помолвке выйдет в прессе завтра утром. Им нужны снимки. А теперь перестань задавать глупые вопросы, — последняя фраза звучит угрожающе, я замолкаю.

Он смотрит в зеркало заднего вида, обгоняет автобус, останавливается на светофоре. Все его действия точные и спокойные. Он точно робот, живые люди не могут так себя вести.

— Моя машина осталась около салона.

— Владимир отвезет тебя к ней после того, как мы закончим.

— Кто такой Владимир?

— Мой помощник.

Я отворачиваюсь. Смотрю на мелькающие за окном дома и магазины. Мне некомфортно в его присутствии.

Его машина точно отражает своего хозяина. Кожаные сиденья, ни одной лишней детали, не то что моя. В моем миникупере вечно валяются книжки, стаканчики из-под кофе, флаеры, которые я добродушно принимаю от каждого прохожего, косметика, спортивная форма для зала. Здесь же не было ничего лишнего, ни одной интересной детали, которая придавала бы машине индивидуальности.

— На заднем сиденье бумаги. Возьми их и ознакомься, — внезапно говорит Титов.

Мне не нравятся его постоянные указания, но послушно беру папку и пробегаю взглядом по тексту. Наша история. Все просто и лаконично, не придираться. Познакомились несколько месяцев назад на выставке. Кстати, я действительно была на той выставке. Интересно, он тоже? Красивые ухаживания, прогулки, совместные выезды на природу, знакомство с отцом... ничего примечательного.

— Ты всегда все продумываешь? — спрашиваю я, перелистывая бумаги.

— У меня есть подчиненные, которые могут это делать. Ну, конечно.

— И ты им доверяешь? Не думаешь, что они могут слить информацию?

— Они не солгут, — заявляет со спокойной уверенностью.

Фыркаю. Интересно, почему он так уверен? Бросаю взгляд на профиль мужчины. Взгляд устремлен вперед, ли-

цо — непроницаемая маска, поза расслабленная. Бесит его непоколебимое спокойствие, в то время как внутри меня кипит страх неизвестности, раздражение и злость.

Мы останавливаемся около одного из старых зданий в центре города. Егор глушит двигатель и не смотрит на меня, отвлекаясь на входящее сообщение.

Мой взгляд цепляется за парочку около канала. Влюбленные, счастливые, фотографируются на память. План зреет внезапно. Я поражаюсь собственной смелости.

— Знаешь... — задумчиво говорю я, доставая телефон и смахивая экран влево, чтобы включить камеру. — Помимо профессиональных фото, нам потребуются и самые обычные. Для легенды.

Он поворачивает ко мне голову, нахмурившись, в тот момент, когда я подаюсь к нему, растянув губы в притворной улыбке.

Мы оказываемся неожиданно близко. На мгновение дыхание перехватывает. Кожей ощущаю исходящий от него жар, чувствую аромат дорогого древесного парфюма и вижу собственное отражение в карих радужках.

Глава 7

Яна

Титов удивляется всего на мгновение, которого мне хватает, чтобы это заметить. Мысленно я торжествую.

— Улыбайся, — шепчу и нажимаю кнопку на телефоне.

Короткий звук затвора, и в памяти устройства навсегда остается наш первый снимок. Тут же хочу отстраниться: быть так близко с ним дольше необходимого я не собираюсь. Но едва я шевелюсь, Титов хватается меня за руку.

Быстро, резко — я даже сообразить не успеваю. Его хватка цепкая и сильная, как у хищника. В глазах нечитаемое выражение, но я понимаю, что он недоволен.

Он наклоняется ко мне. Дистанция между нами сокращается так быстро, что я едва не жмурюсь. Его дыхание опалает щеку, когда я порывисто отворачиваюсь. Титов молчит, и эта тишина хуже любого крика.

— Играть со мной вздумала, Некрасова? — чуть наклоняет голову набок, скользнув пальцем по линии пульса на моем запястье. Клянусь, я забываю, как дышать, снова смотрю на него осторожно.

Титов усмехается. И есть что-то небрежное в этом, словно у меня нет ни единого шанса на победу.

— Кольцо в бардачке. Надень. — Отпускает мою руку,

поправляет пиджак и выходит, как ни в чем не бывало.

Секунда — и я остаюсь в машине одна. Делаю судорожный вдох, кажется, первый за эту минуту. Шок проходит, и я злюсь на себя за эту дурацкую выходку.

Открыв бардачок, вижу красную бархатную коробочку. Достая кольцо и ахаю от изумления. Огромный бриллиант сверкает в свете солнца. Белое золото, тонкая огранка, по периметру — россыпь камней поменьше. Кольцо прекрасное и совсем не сочетается с тем, кто его мне подарил. Хотя «дарить» громко сказано. «Всучил» подходит больше.

Титов открывает дверь с нечитаемым выражением на лице. Бросает взгляд на руку, удостоверившись, что кольцо на пальце, и мы идем к красивым двустворчатым дверям, которые он тоже передо мной раскрывает.

Отмечаю язвительно, что какие-никакие манеры в мою сторону у него все-таки есть. В основном, правда, показушные. Но вслух не решаюсь ничего сказать. Послушно плетусь за ним на пятый этаж.

Под самой крышей располагается большая фотостудия. Два просторных помещения, разнообразные локации, фоны, интерьер. Тут же три ряда вешалок с одеждой, обувь, аксессуары и девочка-стилист с отпаривателем в руках.

— Егор! — нам навстречу выходит фотограф. Лысоватый, в очках и татуировках на кистях.

— Приветствую, Андрей, — пожимает руку Титов.

— Мы вас заждались! — отвечает тот. — Алла все подго-

товила. Можно выбирать наряды.

Алла подлетает ко мне, улыбаясь абсолютно искренне.

— Я подобрала несколько нарядов, не уверена была немного в стилистике. Поэтому взяла с запасом. Пойдемте мерить, Яна?

Она бесцеремонно тащит меня к вешалке, щебеча что-то на ходу.

— А Тито... Егору наряды мерить не надо? — прерываю ее на полуслове.

Алла смеется.

— Егор Николаевич не будет переодеваться. А для вас я подготовила несколько потрясающих платьев.

— Я даже сама выбрать могу? — хмыкаю я без всякого энтузиазма.

— А кто же еще? — искренне удивляется девушка.

Я качаю головой.

— Не обращайтесь внимания, — мне становится неловко за свой сарказм. Алла точно ни в чем не виновата. — Давайте посмотрим, что у вас есть.

Пятнадцать минут спустя мы с Титовым располагаемся около белого фотофона. Он сидит на высоком барном стуле, я встаю за его спиной.

— Яна, подойди ближе к Егору. Он не кусается, — кричит мне фотограф, отрываясь от камеры.

С этим утверждением я бы, конечно, поспорила.

Делаю шаг вперед, останавливаясь совсем близко.

— Положи руки на его плечи, чуть прижмись.

Прижаться? Да он в своем уме?

Послушно кладу руки на плечи Титова. Он напрягается, но это никак не отражается на его голосе, в котором я слышу едкую усмешку.

— Яна, тебе нужно постараться. Первый совместный выход, и ты его почти провалила.

— Я стараюсь, — сквозь зубы шепчу я, а потом обнимаю его за шею, прижимаясь щекой к макушке. Ощущаю аромат его парфюма и кожи. Касаться его кажется чем-то неправильным, запретным, но я поднимаю взгляд на фотографа, позволяя ему сделать несколько кадров.

— Прекрасно! Егор, повернись к Яне боком! — кричит Андрей, щелкая пультом, чтобы сменить свет. — Яна, смотри на Егора, сделаем портреты полубоком.

Титов резко разворачивается на стуле и притягивает меня так, что я оказываюсь между его разведенных колен, слегка возвышаясь над ним.

Судорожно втягиваю в себя воздух.

— Чуть ближе! Сделаем более интимные кадры!

Куда уж интимнее, мысленно воплю я, но делаю еще один маленький шаг, задевая бедром его ногу.

Титов усмехается, его рука ложится на мою талию и мягко поглаживает косточку.

— Расслабься, милая. Ты слишком напряжена.

Вспыхиваю, словно спичка. У него врожденная способ-

ность выводить меня из себя. Мой взгляд его забавляет. Андрей тем временем щелкает камерой.

— Думаешь, людям будет достаточно пары постановочных кадров? — шиплю я в ответ, едва шевеля губами. — Ты ничего не знаешь обо мне. Если зададут вопросы, что ты ответишь?

Титов молчит — все тот же взгляд, который меня нервирует. А потом он берет мою ладонь и подносит к своему лицу, создавая иллюзию прикосновений.

— Ты закончила международную школу с отличием, в детстве увлекалась балетом и рисованием. Сейчас продолжаешь рисовать, поэтому в твоём доме есть отдельная студия, где ты проводишь большую часть вечеров, — Титов говорит тихо, так, чтобы услышать его могла только я.

Мой рот от удивления приоткрывается.

— Учишься в архитектурно-строительном университете, направление — дизайн, третий курс. Любишь итальянскую кухню, сладости и красное вино. Не перевариваешь азиатскую кухню после отравления в Тайланде два года назад, иногда смотришь старое черно-белое кино, боишься грызунов. Часто забываешь заправить машину, теряешь паспорт и ненавидишь опаздывать. Любимый цвет — бежевый, размер одежды — сорок два, обуви — тридцать семь. Еще вопросы?

— Яна, прикрой немного рот, слегка пошловато выходит, — кричит Андрей.

В ужасе дергаюсь и сжимаю губы, но хватка на бедре за-

ставляет меня остаться на месте. Чувствую, как краска приливает к лицу.

То, что Титов столько знает обо мне, заставляет нервничать. Это не простые факты, которые можно легко найти в интернете. Он искал информацию среди моего окружения, следил за мной, пока вынашивал свой мерзкий план.

— Отлично! — рычу я, не забываясь о том, что меня услышат. — А у меня о тебе нет такой информации!

— Прекрасные кадры. Егор, повернись ко мне, посади Яну на колени, — Андрей меняет ракурс и зовет Аллу.

Девушка одним движением заменяет рулон фотофона на черный.

— Сделаем черно-белые кадры. Будет атмосферно. Вы прекрасно смотрите вместе, ребята! Мои поздравления!

Пока я застываю, не зная, куда себя деть, Егор дергает меня на себя, усадив на колени, и его ладонь сжимает талию. Я ахаю.

— Привыкай, — раздается шепот мне на ухо.

Я смещаюсь чуть вбок, меняя позу. Сидеть в этом узком черном платье неудобно, словно меня замотали скотчем.

— И советую не ерзать.

До меня не сразу доходит вся двусмысленность сказанного. Но когда это случается, я резко поднимаю на него взгляд, полный ужаса.

— Отлично! Какой кадр! — комментарии Андрея меня порядком раздражают. — Такая страсть! Яночка, положи го-

лову ему на плечо.

Я делаю, как мне говорят, и прикрываю глаза, стараясь выровнять дыхание. Титов — как статуя: твердый, отстраненный, несмотря на то, что, кажется, каждая клеточка нашего тела сейчас соприкасается.

— Где ты учился? — тихо шепчу я, даже не надеясь услышать ответ.

Но Егор меня удивляет.

— Закончил английскую школу, затем поступил в Оксфорд на факультет экономики и управления. Магистратура — там же.

— Ого, — я удивляюсь, не зная, что он получил образование за границей. — Ты жил в Англии?

— Да, семь лет.

— Почему вернулся?

Титов не отвечает. Я не уверена, дело в вопросе или ему просто надоело. Но, несмотря на сомнения, решаюсь задать следующий.

— Любимое блюдо?

— Стейк.

— Какой прожарки?

— Медиум.

— Книга?

— «Граф Монте-Кристо».

— Друзья?

— Тебе их имена ни о чем не скажут, они все остались в

Европе.

— А здесь? — я удивляюсь, хотя для такой антисоциальной персоны это, наверное, нормально.

— Здесь больше партнеры.

— Любишь путешествовать?

— Предпочитаю Европу. Понравилась Америка.

— Твой любимый цвет?

— Черный.

— О чем мечтаешь?

— Жениться на любимой невесте. Жить с ней долго и счастливо, во веки веков.

Я закатываю глаза. Язвит. Ну и ладно.

— Где твои родители?

Титов напрягается. Я чувствую это всем телом.

— Яна, прикоснись к его лицу, — окликает меня Андрей.

Да когда же он уже закончит?! Снимков хватит на год вперед.

— Наклонись чуть ближе, будто шепчешь ему что-то тайное!

Я без нареканий делаю, как мне говорят. Прикосновение обжигает. Кончиками пальцев чувствую его щетину и жар, исходящий от кожи. Вторая моя рука — на его груди. Под ней бьется сердце. Все-таки живой. Не робот.

— Отец умер год назад.

— А мама? — шепчу я тихо, чтобы не испортить кадр.

В его глазах вспыхивает ярость. Рука на талии сжимается

сильнее, мне больно.

Атмосфера в студии внезапно накаляется. Я слышу, что Андрей что-то говорит, но его слова теряются, будто в вакууме. Весь мой мир сужается до темных глаз напротив. Черты лица Титова ожесточаются. Теперь мне действительно страшно.

— Спроси у своего отца. Уверен, он знает об этом куда больше.

Глава 8

Егор

Идеальный узел галстука. Идеально сидящий смокинг. Идеальная ловушка, которая вот-вот захлопнется.

Я стою у входа в огромный, украшенный тысячами белых цветов зал загородного клуба и чувствую, как внутри натягивается невидимая струна. Внешне я спокоен, сдержан, держу лицо. Но инстинкты, отточенные годами борьбы, вопят.

Сегодня это свершится, и я надеюсь почувствую облегчение, подводя мечь, о которой так грезил отец, к ее кульминации.

В моем мире нет места хаосу, я контролирую все. От температуры кофе на рабочем столе до каждого проводящегося документа в моей компании, которую после скандальной гибели Титова-старшего в пьяной аварии едва удалось удержать на плаву.

Но сегодня в уравнении есть переменная, которая может превратить триумф в катастрофу.

Яна.

Она подписала бумаги, она кивала, когда я диктовал условия, она молча приняла отсутствие выбора в бутике, не дрогнула в фотостудии, но в ее глазах я ни разу не увидел страха за себя. Зато видел характер.

И это единственное, что может пойти не так. Если она решит устроить сцену, если Некрасов попытается сыграть в героя в последнюю секунду...

Так, стоп. Никто из них не посмеет. Им нечем оплатить штраф за разрыв контракта, да и жадность не позволит отступить на финишной прямой.

Я делаю глубокий вдох, сканируя прибывающих гостей.

Здесь нет случайных людей. Никаких дальних родственников, троюродных тетюшек или школьных друзей. Каждый человек в зале — это актив. Или угроза. Или и то, и другое.

Верхушка администрации, депутаты, управляющие корпорациями, владельцы медиа-проектов. Здесь даже генеральный директор конкурирующего холдинга, с которым мы уже полгода ведем холодную войну за территорию и победу в тендере на строительство целого новейшего жилого комплекса.

Лицемерные улыбки, оценивающие взгляды, фальшивые поздравления. Но так принято в этом мире.

— Прекрасная организация, Егор Николаевич, — кивает мне один из инвесторов, проходя мимо.

— Рад, что вы смогли прийти, — дежурно отвечаю я, даже не пытаясь изобразить радость.

Для них это просто светское событие. Они думают, что это слияние капиталов, оформленное как брак. Для меня же — финальный акт пьесы, написанной за меня, я лишь отырываю свою роль.

Я выцепляю из толпы Олега Демидова, который аккуратно придерживает за талию свою жену, белокурую высокую женщину, и моментально направляюсь к нему. Олег замечает меня, что-то говорит своей жене, и она, кивнув, отходит, сливаясь с ближайшей группой важных персон.

Он единственный в этом зале, кто знал, что происходит на самом деле. Именно он вытаскивал меня из пьяного угара после смерти отца. Помог удержать рушащийся бизнес из-за его скандальной гибели, когда конкуренты готовы были растащить компанию.

И он единственный, кто знал, что этот брак — самая циничная сделка в моей жизни. Он же помогал выстроить стратегию поглощения, чтобы Некрасов до самого конца ничего не замечал. И чтобы после не смог ничего поделать.

— Как представление? — спрашиваю без приветствия, подходя вплотную.

Мне нужно убедиться, что все, что зависит от меня, в норме.

Олег, как всегда, спокоен. В его глазах скользит что-то вроде насмешливого сочувствия.

— Декорация идеальна, — он оглядывает гостей. — Ты проделал чертовски хорошую работу, Егор, и скоро получишь свой приз.

— Приз, — презрительный смешок слетает с губ. — Скорее трофеей.

— Договорной брак приносит меньше проблем, чем ре-

альный. Ты оценишь, — хмыкает Олег, берет бокал с шампанским и делает глоток.

Да, он знает, о чем говорит. Олег точно так же когда-то женился на той, кого не любил. Но он это сделал не ради мести, как я, а чтобы укрепить бизнес. В итоге все сыграло ему на руку, но появились новые проблемы.

— С ним еще не разобрался? — киваю на «проблему» Демидова — семью Орловых, что стоят с административной верхушкой.

— Это затяжная игра, — Олег прищуривается, всматриваясь в высокого, широкоплечего мужчину с выглядывающими из-под белого воротника татуировками, стоящего рядом с Орловым-старшим.

— Знаешь его?

— Черт подери, знаю. Это старший сын Орлова, — задумчиво тянет Олег. — Его много лет не было в городе.

— Такой же ебанутый, как младший?

— Кто знает, Егор, — ухмыляется Демидов и хлопает меня по плечу. — Смотри-ка, в твоём идеальном спектакле маленький бунт.

Я оборачиваюсь, прослеживая за взглядом Олега, и... твою мать!

Щурюсь, челюсть непроизвольно сжимается. Среди моря черных смокингов и вечерних платьев пастельных тонов ярким, кричащим пятном выделяется белый цвет. Цвет, на который сегодня имеет право только одна женщина.

И это, мать ее, не Виолетта.

Она стоит у колонны, картинно отставив ногу в разрезе вызывающего платья и держа в тонких пальцах бокал. В светлые волосы со сложной прической вплетены украшения, кричащий макияж едва отвлекает внимание от глубокого декольте. Она выглядит как королева на чужой коронации. Или как шлюха, решившая сорвать ва-банк.

Это чисто женский, глупый и наглый вызов. Я бы вообще предпочел не видеть на своей свадьбе женщину, которую трахаю время от времени, но она — дочь одного из ключевых моих инвесторов и подруга детства. Думал, она будет более благоразумна и не превратится в ревнивую бабу, ведь я никогда не обещал ей места в первом ряду своей жизни.

— Егор, — она встречает меня соблазнительной улыбкой, игнорируя все невербальные признаки злости. — Выглядишь напряженным.

— Виолетта, — холодно давлю, уходя от ее прикосновения, отчего она поджимает губы. — Ты перепутала дресс-код.

— Да? — наигранно невинно хлопает ресницами. — И что мне теперь делать? Раздеться?

— Не испытывай мое терпение, — голос становится на пару тонов ниже. — Ты сейчас уйдешь в дамскую комнату, накинешь что-то сверху или свалишь отсюда через черный ход. До конца торжественной части даже не появляйся на моих глазах. Если из-за твоей выходки хоть что-то пойдет не так,

я тебя уничтожу.

Ее улыбка медленно сползает. В глазах мелькает чистая, концентрированная злость. Она привыкла всегда получать что хочет. А меня она хотела давно, и тот факт, что я женюсь на другой, пусть даже фиктивно, сильно бьет по ее самолюбию.

Но Виолетта ничего не успевает ответить, ко мне подлетает моя ассистентка, тяжело дыша.

— Все готово, Егор Николаевич. Невеста уже тут.

— Некрасов?

— С ней. Начинаем через пять минут.

Киваю и, отвернувшись от Виолетты, иду к алтарю. Организатор приглашает гостей пройти к своим местам. Музыканты по ее команде начинают наигрывать красивую мелодию.

Я встаю на свое место рядом с аркой и жду. Взгляд прикован к массивным двустворчатым дверям.

Пять секунд.

Четыре.

Три.

Я не слышу музыки, только шум в ушах.

Ну давай же...

Двери медленно распахиваются.

Глава 9

Егор

Первым делом я выщепляю лицо Некрасова.

Выглядит старик отвратительно. Впрочем, так и должен выглядеть человек, обменивающий дочь на деньги. Жадный, беспринципный ублюдок.

Я сделаю все, чтобы ты страдал до конца своей жизни, даже если для этого придется страдать Яне.

Я смотрю ему прямо в глаза, не моргая. Я хочу, чтобы он видел в моих зрачках свое будущее. Наши взгляды пересекаются, и я понимаю по его искаженному лицу, что он все осознает.

Холодно усмехнувшись, перевожу взгляд на Некрасову.

Это чертово платье, которое я сам же и выбрал... Оно сидит на ней идеально, подчеркивая каждую линию ее хрупкой фигуры. Белый шелк струится шлейфом, создавая иллюзию невинности. Бледная кожа кажется фарфоровой, а темные локоны, рассыпавшиеся по плечам, довершают образ жертвенного агнца.

Но когда она поднимает голову, вся эта иллюзия рушится.

Ее сапфировые глаза сверкают стальной решимостью.

Она гордо идет по ковровой дорожке, высланной специально для нее, держа отца под руку. Ее ровный взгляд

устремлен прямо на меня. Я готов был увидеть напуганную девочку с фальшивой улыбкой. Но на ее лице нет улыбки, как и нет страха.

Я сжимаю кулаки, почувствовав невольное восхищение ее сдержанностью. Но быстро осаживаю это неуместное чувство и возвращаю мысли в правильное русло. Она всего лишь инструмент для достижения желаемого.

Церемония превращается для меня в скомканный, затянувшийся бред. Я понимаю, что все идет как надо, по сценарию, все красиво и для кого-то может быть даже трогательно, но в какой-то момент галстук начинает душить, а какая-то глубоко запрятанная часть меня орет отступить от дерьмового плана.

Затем наши механические и лишённые эмоций «да». Кольца и прикосновение ее ледяных пальцев к моим.

Мне разрешают поцеловать невесту, и ее горделивая сдержанность впервые дает трещину, когда Яна вскидывает на меня встревоженный взгляд. Она напрягается, когда я собственническим жестом кладу руку ей на талию. Упирается в грудь ладошками, пытаюсь контролировать свободное пространство между нами.

Я не позволяю. Привлекаю ее к себе рывком, лишая опоры. Под взрыв аплодисментов и чей-то восторженный крик я захватываю ее мягкие губы в жесткий, почти агрессивный поцелуй.

Это не закрепление клятв, это чертово клеймо и представ-

ление для ее отца. Другие могут увидеть в этом страсть, но не он.

Пусть видит и боится, если у него, конечно, есть сердце.

Яна пару мгновений пытается меня незаметно оттолкнуть. Она напряжена, я чувствую дрожь в ее теле, и тут происходит то, чего не ожидаю.

Она вдруг расслабляется. Ее плечи опускаются, руки скользят вверх, и кончики ледяных пальцев касаются моей шеи. Этот холодный ток прошивает меня до позвоночника. А потом она отвечает на мой поцелуй.

Торжество превращается в изощренную пытку. Все было продумано до мелочей: музыка, кухня, дорогой алкоголь, развлекательная программа без похабных конкурсов и так, чтобы гости не устали.

Я сижу за главным столом рядом со своей супругой, выполняя роль счастливого жениха. Скулы сводит.

Понимаю, что не вывожу этого блядского цирка, несмотря на то, что Яна без нареканий играет свою роль смущенной невесты. Впереди еще два часа этого ада, и можно выдохнуть.

Напряжение, которое сопровождало меня на финальной стадии расставления ловушек для Некрасова, сейчас достигает пика. Все же такие вещи не совсем в моем характере, но

я прекрасно усвоил понятие долга. Мне его в прямом смысле вбили.

Замечаю, что Яна, не отрываясь, смотрит на кого-то. Проследив за ее взглядом, натыкаюсь на Виолетту, которая беседует с одним из гостей. Она послушалась, и на торжественной части не присутствовала, появившись лишь пару часов назад, но даже сейчас она своим нарядом привлекает слишком много внимания.

— Она твоя девушка? — тихо спрашивает Яна, когда Виолетта ловит мой взгляд и соблазнительно улыбается, делая неторопливый глоток вина.

— Это не твое дело, — отрезаю, впервые за вечер позволяя себе выпить.

— Только если гостя на свадьбе не пытается выделяться и быть эффектнее невесты, демонстративно нарушая дресс-код, — с холодным презрением чеканит Некрасова.

А, нет, уже Титова.

— Ей и пытаться не нужно, — бросаю холодно, опрокидывая в себя еще один бокал.

Яна права, чертовски права, но мне сейчас не до ее предьяв. Переживет.

Замечаю, как в ее глазах мелькает обида, которая моментально сменяется гневом. Она открывает рот, чтобы ответить, но мне уже плевать. Я встаю резко и направляюсь к выходу.

Мне нужен воздух, тишина и темнота. Хоть ненадолго.

Отпираю дверь в небольшой, пустой кабинет, захожу и включаю тусклый свет настольной лампы. Не проходит и минуты, как дверь за спиной приоткрывается, и в кабинет проскальзывает Виолетта. Мне даже не нужно оборачиваться, чтобы понять. Я знаю этот аромат ее дорогих духов, который она так любит. Сам ей их дарю постоянно.

Кто-то наверняка заметил, что она ушла сразу за мной. Эта мысль мелькает устало, но женские руки на плечах ее тут же прогоняют. Она умело разминает каменные мышцы и дыханием щекочет шею.

— Это правда было глупо. Прости меня... — шепчет она, прижимаясь грудью к моей спине. Я позволяю ей это. Мне нужно хоть какое-то физическое заземление, чтобы дожить этот вечер. — Я просто не могла смириться с тем, что ты все-таки провернул это...

Блядь, Виолетта, молчи лучше.

— На ее месте должна быть я, и ты знаешь это...

Я медленно оборачиваюсь, встречаясь с ее влажными глазами, красные соблазнительные губы обиженно подрагивают. Вижу настоящую, не театральную обиду, но у меня этим днем уже выжгло все эмоции, и я ничего не чувствую, кроме усталости.

— Если тебя не устраивает такое положение — уходи, — выдаю, указывая на дверь. — Я ничего тебе не могу предложить, кроме того, что уже есть.

Виолетта смахивает одинокую слезу и закусывает губу.

— Скажи, сколько ты будешь с ней играть?

— Я не знаю, — повторяю ей уже в десятый раз.

Пока Некрасов не сдохнет и в этом не останется никакого смысла? Вслух, конечно, не произношу.

— Но я думала...

— Нет, ты не думала. Это твоя главная проблема. Этот брак — бизнес. А ты позволяешь эмоциям затмить здравый смысл, устраиваешь свой перформанс и подрываешь чистоту этой сделки, а потом говоришь прости...

Она замирает и несколько мгновений смотрит на меня, пытаясь совладать с эмоциями, и ей это удается. Виолетта натягивает улыбку, привычную маску соблазнительницы, и придвигается вплотную. Тянется за поцелуем, но останавливается в дюйме от губ.

— Наверное, не стоит оставлять на тебе следы, — ухмыляется. — Я помогу тебе расслабиться иначе.

Она медленно опускается предо мной на колени, подбирая подол своего белого платья. Ее глаза не отрываются от моих, когда она тянется к ширинке. Возбуждение грязное и тяжелое мгновенно бьет в пах, заставляя член затвердеть.

Я выдыхаю и откидываю голову, когда она без прелюдий сразу вбирает его по самое горло. Ток проносится по позвоночнику, и возбуждение вытесняет все мысли. Она очень старается доказать, что она лучше, нужнее, эффективнее той, что осталась в зале. Надо отдать ей должное, вполне успешно, и я отдаюсь на волю ее умелым губам.

Какое-то движение на периферии зрения заставляет выплыть из дурмана приближающегося оргазма.

В тишине кабинета слышатся только характерные пошлые звуки Виолетты и то, как с треском рушится мой идеальный сценарий, пока на меня огромными ошарашенными глазами смотрит моя жена.

Глава 10

Яна

Воздух вышибает из легких, когда я вижу их.

Егор стоит, оперевшись о стол, его голова откинута, глаза прикрыты, кадык дергается, а его... женщина стоит перед ним на коленях. И пусть у меня нет опыта в подобных делах, я прекрасно понимаю, что она делает.

Меня бросает в жар от пошлых звуков, которые она издает, и я не могу пошевелиться.

И тут Егор замечает меня. Наши взгляды пересекаются, в его темных глазах не вижу ни грамма стыда. Только гнев.

Отмираю и пячусь.

Бежать!

Единственное, что я сейчас хочу, это скрыться и выжечь эти образы из своей головы. Влетаю в дамскую комнату и запираюсь в кабинке, тяжело дыша.

Какой же он... гадкий!

Пригласить на свадьбу любовницу, нарядить ее в белое, а потом уединиться с ней на этой же свадьбе для минета! Что может быть отвратительнее?

От злости и возмущения меня буквально трясет.

Их же мог увидеть кто угодно! И это он мне говорил о скандалах?

Я запускаю пальцы в волосы, не заботясь о причёске, и сглатываю горечь во рту.

Какой же он все-таки негодяй! И эта его... женщина... ничуть не лучше.

Скривившись, я ударяюсь головой о тонкую стенку кабинки и делаю глубокий вдох. Нужно взять себя в руки и дожить этот вечер, будто ничего не случилось.

Это его дело и его ответственность. Если их застукают да, я буду выглядеть душой в глазах всех гостей. Но Титову нечего будет мне предъявить.

Я даю себе еще пять минут для негодования, а потом собираюсь с силами и натягиваю вежливую улыбку на лицо. С отворачиванием встречаюсь с собственным отражением в зеркале, но делать нечего нужно вернуться и доиграть свою роль.

В зале сразу выцепляю фигуру отца, который пробирается к двери. Встревоженно провожаю его взглядом. А вдруг ему стало плохо? С утра он так переживал, что я едва его успокоила. Ради него я держалась весь день.

Подобрав платье, лавирую между гостями и выхожу за ним. Прохладный воздух окутывает меня, и я начинаю мелко подрагивать. Прохожу за отцом по аллее, и стук моих каблучков привлекает его внимание.

— Яночка? — он оборачивается и удивленно смотрит на меня. — Ты зачем вышла и почему не оделась?

Он снимает пальто и накидывает мне на плечи, несмотря на мои протесты.

— С тобой все в порядке? — заглядываю ему в лицо, вижу нездоровую бледность, и сердце заходится тревогой. — Пап, может, тебе домой поехать?

— Нет, все нормально, — отмахивается он, беря мою руку и укладывая себе на предплечье. — Просто там душно. Во всех смыслах.

Фыркаю, и мы с отцом идем по аллее дальше. На улице больше никого нет, а нас медленно окутывают сумерки. Некоторое время молчим, потому что каждый из нас боится затрагивать тему свадьбы. Слишком много она за собой несет.

— А где родители Титова? — вдруг задаю давно волнующий меня вопрос.

— Павел погиб недавно в аварии. В очередной раз сел пьяным за руль, за ним такое с молодости водилось. А Татьяна где-то далеко за границей, — голос отца звучит спокойно. — У него есть сестра, Полина. Года на три старше тебя. Но ее я сегодня не видел и если честно, мне о ней вообще ничего не известно.

— Ты давно их знаешь?

— Давно, — кивает отец. — Мы дружили в молодости. Еще до того, как я встретил твою маму.

— Тогда почему вы стали врагами?

Отец замолкает на время, словно раздумывает, стоит ли ворошить прошлое и посвящать меня в него. Но в итоге говорит:

— Мы с Павлом с детства дружили. Помогали друг другу во всем и когда учились, и когда начали строить бизнес. Смежный завели, чтобы поддерживать друг друга. Я работал с материалами для стройки, он строил. По двадцать пять нам было, когда я встретил Татьяну. Влюбился в нее до безумия. Знаешь, бывает иногда такая любовь... Раз в жизни дается. От нее голову теряешь. Да и не только голову. Себя тоже, — отец задумчиво замолкает, а я даже дышать боюсь, чтобы не спугнуть его желание откровенничать. — Может, Таня была такой женщиной... необычной, самобытной. Она на всех так влияла. Друг мой тоже в нее влюбился. Я ничего не замечал, был слеп. Глаза открылись только когда спустя почти два года отношений она порвала со мной и ушла к нему.

Ничего не понимаю. Тогда это папа должен ненавидеть Титовых, а не наоборот.

— Расставались мы некрасиво. Очень эмоционально. Я отпустил ее в итоге, но и от них обоих отстранился. Не мог быть рядом, в бешенство приходил. Ушел в работу, стал общаться больше с другими людьми. Через три года встретил твою маму. С Валею у нас никогда не было таких страстей, как с Таней. Но это было не плохо. Она меня словно излечила. За это время Титов женился на Тане, у них родился первый ребенок, я тоже сделал Вале предложение. Все вроде устаканилось на некоторое время и забылось.

Чувствую легкую дрожь в его руке и сжимаю в молчаливом знаке поддержки. Он грустно улыбается мне и продол-

жает:

— Это случилось уже после смерти Вали. Тебе было три года, ты ничего из этого не помнишь, наверное. Однажды Таня оказалась у нас на пороге. Еле живая, избитая и напуганная. Бежала от Павла, и некуда ей было пойти.

— А полиция?

— С ними Титов умел договариваться. Это был не первый раз, но один из самых страшных. Она просила защиты, просила помочь, укрыть. Рыдала и раскаивалась, что выбрала Титова. Говорила, что одинаково нас полюбила, но он казался ей успешнее, ярче, — отец невесело хмыкает. — Я не мог ей отказать. Помог, выходил. Она немного пришла в себя. И между нами снова вспыхнули чувства. Таня тебе очень нравилась, ты к ней привязалась. Мы были счастливы, но недолго...

— Он нашел ее? — впервые подаю я голос.

— Нашел. И пытался вернуть всеми возможными способами. Преследовал, караулил, снова нападал и избивал, пытаясь утащить домой. Когда он пообещал убить нас, Таня поверила. Она была до ужаса запугана. И попросила уехать. А я не мог уехать. Тогда были первые серьезные проблемы в бизнесе, денег свободных не водилось. У меня ты на руках, кредиты. Я собрал все, что мог, и отдал ей. Помог скрыться.

— И она уехала? — тихо спрашиваю, но уже и так знаю ответ.

— Уехала, — кивает отец. — Паша тогда словно окон-

чательно с катушек слетел. Искал ее, носом землю рыл. С тех пор он не оставлял меня в покое, поклявшись отомстить. Только всего, что он делал, чтобы испортить мне жизнь, ему казалось мало.

— Он так и не отыскал ее?

— Нет, слава богу.

Мы разворачиваемся и медленно бредем назад. Так вот почему мы оказались в этой точке. Егор оказался сыном своего отца и просто перенял эстафету мести.

Как это глупо. Растрачивать свою жизнь на такое. И как мелко.

Никогда не пойму этого.

Видимо, Егор винил моего отца за то, что он отнял у него мать, не желая разбираться в деталях.

— Давай вернемся, пап, — говорю ему, поглаживая по руке. — А то нас потеряют.

— Да, конечно. Ты иди, а я через минут пять зайду.

Понимаю, что ему нужно побыть одному, поэтому не спорю. Возвращаю пальто на его плечи и, ободряюще улыбнувшись ему, возвращаюсь в зал.

На входе едва не врубаюсь в Егора. Он хватает меня за руку чуть выше локтя и дергает на себя. Злой как черт.

— Где тебя носило? — цедит сквозь зубы.

— Дышала воздухом, — пытаюсь вырвать руку, но он сильнее сжимает, причиняя боль. Шиплю, пытаюсь разжать его пальцы.

— Я тебя обыскался. Думал, ты...

— Что? — поднимаю на него взгляд, тоже позволяя гневу прорваться. — Думал, что после увиденной сцены я пошлю этот фарс к черту?

Он молчит, только желваки сильнее выделяются на челюсти. Я с силой вырываю руку, и он наконец выпускает.

— Это было бы правильным решением, но, в отличие от тебя, я умею справляться с дерьмом, в которое ты нас окунаешь.

Он бежит взглядом по моему лицу, хочет что-то сказать, но лишь сильнее сжимает губы. Делает глубокий вдох, и маска моментально возвращается на лицо, делая его бесстрастным.

— Пойдем, — сдержанно говорит он и обнимает меня за талию. — Еще пару часов поиграем счастливых молодых. И не забывай улыбаться.

— Только после тебя, — едко замечаю я, бросая на его губы многозначительный взгляд.

Один вздох, а потом улыбка расцветает на его лице, преображая его. Скептически осматриваю его и медленно, с натяжкой улыбаюсь в ответ.

Дорога до его дома проходит в гробовом молчании. Егор выглядит напряженным, даже несмотря на свои отлучки для

расслабления со своей подружкой. Он иногда с силой сжимает руль, привлекая мое внимание, но в целом больше никак не проявляет своих эмоций.

И я благодарна ему за это, потому что так устала за этот день, что у меня нет никаких сил. Поэтому я поудобнее устраиваюсь в кресле и прикрываю глаза, чувствуя внутри странное опустошение.

Надеюсь, впредь мне не придется так долго отыгрывать свою роль на публике, это невыносимо.

Когда машина подъезжает к красивому особняку, я выхожу самостоятельно, не дожидаясь, когда Титов откроет мне дверь. Холодный воздух немного проясняет голову и прогоняет сонливость.

— Твоя комната на втором этаже, — он проходит мимо, и я торопливо следую за ним. — Если что-то будет нужно, обращай к Светлане, она управляющая. Завтра познакомитесь. Весь дом в твоём распоряжении, запретных зон здесь нет, но воздержись от излишнего любопытства, я не хочу повсюду наткаться на тебя.

Да уж, и не наткнешься. Захожу за ним в просторный холл с красивой деревянной лестницей и наконец скидываю туфли. Ноги ломит с непривычки, я не ношу каблуки.

Егор оборачивается на меня и кивает на лестницу:

— Второй этаж, третья дверь справа. Сама дойдешь?

— Дойду, — отвечаю коротко, не глядя на него, и прохожу к лестнице, подобрав платье.

— В доме живет моя сестра, — бросает мне в спину, и в голосе появляются нотки предупреждения. — Не доставай ее.

Значит, та самая скрытая от всех глаз Полина живет в этом же доме? Тогда почему ее не было на свадьбе? Папа сказал, что про нее с двенадцати лет мало что слышно. Никто ничего не знает точно. Из-за слабого здоровья она дистанционно заканчивала учебу, а потом и вовсе пропала со всех радаров. Титовы охраняли любую информацию о ней.

— Я все поняла. Не попадаться никому на глаза и никуда не лезть. Куда уж проще? Так можно я уже пойду? — не могу скрыть раздражение, когда оборачиваюсь и смотрю на него сверху вниз.

Титов стоит в изножье лестницы, руки в карманах, но на лице такое странное выражение... будто он жалеет, что привез меня сюда.

— Я зайду к тебе минут через пятнадцать. Иди, — предупреждает он, прежде чем развернуться и быстрым шагом направиться куда-то вглубь коридора, а потом я слышу в отдалении его наполнившийся теплотой голос: — Так и знал, что ты еще не спишь...

А я стою, обомлев. Страх разгоняет сердце до бешеного ритма за секунду. Что он задумал?

Зачем Титову заходить ко мне?

Глава 11

Яна

Первые пять минут я в панике мечусь по комнате, не зная, бежать мне уже или найти кухню и припрятать под подушкой нож. Но все же в какой-то момент здравый смысл берет верх.

У нас с Титовым договоренность. Он не станет настаивать на брачной ночи. К тому же в этом доме наверняка находится много людей, да и его сестра здесь. Он должен понимать, что я буду орать и подниму всех на уши.

Нет, он не настолько глуп. Я надеюсь. К тому же он ясно дал понять, что я ему не интересна. Вспомним его подругу, я могу с легкостью понять, почему.

Немного успокоившись, я решаю переодеться. Мои вещи привезли еще с утра, чемоданы и сумки стоят не разобранными. Но этим я займусь завтра. Сегодня лишь нахожу свою максимально закрытую пижаму и халат. А еще я просто мечтаю о душе. И я приятно удивляюсь, обнаружив, что в моей комнате есть не только небольшая гардеробная, но и личный санузел.

Вот долбаное платье с потайными замками и плотно облегающее мое тело не снимается. Мне с утра помогали его надевать, застегнуть, сейчас я просто не могу изловчиться и наконец снять его с себя. Минут пять уже мучаюсь и успеваю

попсиховать.

Порвать? Ну а что, я точно не буду хранить этот белый кусок ткани в память об ужаснейшем дне моей жизни.

Изогнувшись, снова дергаю замок и рычу от бессилия.

— Помочь?

Я подпрыгиваю от неожиданности и резко оборачиваюсь, едва не завалившись. Настороженно смотрю на стоящего в дверях Титова.

— Что ты здесь делаешь? — враждебно смотрю на него.

Теперь, когда он стоит в паре метров от меня, высокий, сильный, у меня пересыхает во рту. Я против него ничего не смогу сделать.

— Я в своем доме, — напоминает он.

— Это не значит, что ты можешь без стука вламываться в мою комнату, — я надеюсь, мой голос звучит холодно, а не истерично. — Что тебе опять нужно?

Он медленно поднимает руку и с издевательской усмешкой стучит костяшками по косяку двери. Один раз. Второй.

Мне хочется треснуть его чем-нибудь тяжелым. Или выйти в окно. Нервы как натянутая струна.

— Поговорить, — отвечает он, делая несколько шагов вглубь комнаты.

Я непроизвольно начинаю пятиться, и Титов резко останавливается, словно ударяется о невидимую стену. Хмурится, оглядывая мое лицо.

— Ты меня боишься?

Я не хочу признавать это вслух.

— Зачем ты пришел? — вместо этого спрашиваю у него, делая акцент на первом слове.

Он усмехается, качая головой, и поднимает руки, будто сдается.

— Успокойся, Яна. Я пришел только поговорить.

Я почему-то ему верю. Выдыхаю с облегчением и киваю.

— Хорошо. О чем?

— Что с платьем?

Игнорируя мой вопрос, он подходит ближе, заставляя меня снова напрячься всем телом и следить за ним, как за опасным хищником.

— Не могу расстегнуть, — наконец отвечаю, и он жестом показывает развернуться.

Повернуться спиной к врагу, идея отвратительная. Тело протестует, кожа будто заранее вспыхивает. Колеблюсь несколько мгновений, но все же делаю, как он сказал. К тому же эта проклятая тряпка душит меня не хуже его присутствия.

Собираю волосы и перекидываю их через плечо, обнажая шею и спину. Чувствую себя слишком уязвимой. Слишком открытой.

Он ко мне еще не притронулся, но я все равно ощущаю его давящую близость. Когда его пальцы наконец касаются моей спины, я замираю и задерживаю дыхание.

Он не сразу поддевает мелкий замочек. Возится с ним па-

ру секунд, и каждая из них кажется вечностью. Потом замок поддается, и он медленно ведет его вниз. Платье ослабляет свой охват, и хочется вздохнуть от облегчения, но пальцы Егора, касающиеся моей кожи, не дают расслабиться.

— Ты не должна была видеть то, что видела, — говорит он вдруг негромко.

Голос глубокий, ровный, и от него мурашки бегут по позвоночнику. Замок доходит до конца, но он не убирает руки.

Я не дышу.

— Виолетта моя подруга детства и не только... — продолжает, снизойдя хоть до каких-то объяснений. — Иногда она будет появляться на тех же мероприятиях, что и мы. Могу пообещать, что подобного больше не повторится, но тебе необходимо понять, что она часть моей жизни. Возможно, ты будешь пересекаться с ней в этом доме иногда.

Сжимает мои плечи и наклоняется, говоря тише:

— Надеюсь, это не создаст никому из нас проблем? — его дыхание опалает мне щеку.

Я поворачиваю голову, смотрю на его пальцы, потом медленно поднимаю взгляд на Егора.

— Убери руки, — цежу сквозь зубы.

Я перехватываю платье на груди и резко вырываюсь из его хватки, разворачиваясь к нему лицом.

— Я все поняла, Титов. Фразы о том, что это не повторится, было бы вполне достаточно. Я не создала тебе пока ни единой проблемы. Лучше следи за собой, ведь в следующий

раз вас могу застать не я.

Он убирает руки в карманы и смотрит на меня несколько секунд, склонив голову.

— В следующий раз, когда захочешь поорать на меня, вспомни, что в уязвимом положении находишься ты, а не я. И если не хочешь, чтобы я испортил тебе жизнь...

— А ты не забывай, что я могу испортить твою идеальную картинку к чертям! — взрываюсь я и делаю шаг вперед.

Он смотрит на меня долго, испытываяюще, как будто уже просчитывает, как именно ему придется потом разгребать все, если я притворю угрозы в жизнь. Или придумывает, как меня наказать за это, если подобное случится?

— Спокойной ночи, Яна, — говорит он спокойно, как ни в чем не бывало, заканчивая разговор.

А мне только и остается провожать его спину гневным взглядом.

К моему удивлению, сплю я как убитая, нервное напряжение последних недель дает о себе знать. Просыпаюсь только ближе к обеду. Внутри штиль, пока я прокручиваю последние события. Но когда приходит время позвонить отцу, начинаю немного нервничать.

Успокаиваю его, рассказываю, что отлично спала.

Нет, Титов не доставал.

Конечно бы я сказала.

Заверяю его, что заеду к нему завтра, и решаю, что пора наконец вставать.

При свете дня моя комната оказывается вполне приятной и даже стильной. У Титова есть вкус, если ремонт, конечно, его рук дело. Огромная кровать, туалетный столик, шкаф для книг, много цветов, небольшая гардеробная и, главное, собственная просторная ванная.

Условия содержания вполне приличные, решаю я и горько усмехаюсь собственным мыслям.

Выхожу из комнаты спустя час. Необходимо осмотреться и по возможности раздобыть еду. Коридор пуст. Не зная, с чего начать, я оглядываюсь. Чувствую себя некомфортно, словно вломилась в чужой дом или пришла в гости к отнюдь не лучшим друзьям. Все вокруг слишком чужое, незнакомое.

В доме тишина. Я не знаю, уехал ли Егор, но надеюсь, что да. Первый этаж встречает меня той же тишиной. Толкаю ближайшую к себе дверь и тут же встречаюсь взглядом с очень знакомыми темными глазами.

Я оказываюсь в просторной столовой. За большим столом сидит девушка. Заметив меня, она на мгновение хмурится, а затем расплывается в искренней улыбке.

— Яна? Привет! — она мягко улыбается и звучит вполне дружелюбно. — Я думала, ты уже не выйдешь из комнаты. Проходи, давай позавтракаем... или пообедаем, смотря как посмотреть.

Ее улыбка становится шире, я неуверенно переминаюсь с ноги на ногу, но все же захожу в комнату. От девушки не исходит опасности, скорее наоборот. И это странно. Я уже привыкла к холодной отстраненности Титова и не ожидала встретить в его доме столь радушное отношение от кого-либо.

Сажусь за стол, который накрыт на три персоны, и оглядываю аппетитное разнообразие еды. Желудок жалобно урчит.

— Будешь кофе? — вежливо спрашивает девушка.

— Да, — словно прихожу в себя, молчаливое оцепенение спадает, и я с досадой качаю головой. — Прости, я даже не поздоровалась. Это ужасно невежливо. Ты, должно быть, Полина?

— Она самая, — кивает она и бросает на меня веселый взгляд. — Я все ждала, когда брат соизволит нас познакомиться. Но увы...

Упоминание о Титове заставляет меня обвести комнату взглядом и непроизвольно обернуться.

— Нет, его здесь нет, — смеется Полина, разливая кофе из кофейника. — Егор жаворонок. Соскакивает ни свет ни заря и улетает по своим делам. Не думаю, что ты скоро его увидишь.

И слава Богу, думаю я, но вслух не говорю. Лишь благодарю за горячий напиток и забираюсь на стул с ногами. Так привычнее.

— Угощайся! Ты должна попробовать стряпню Ларисы.

— Кто такая Лариса? — спрашиваю, отправляя в рот кусочек сыра.

— Наш повар. У нее самая лучшая домашняя еда, которую я пробовала.

Я улыбаюсь, накладывая себе овощной салат и картошечку по-деревенски. Полина тем временем не дает нам зависнуть в неловкой тишине. Она болтает без умолку, смеется и шутит. Полная противоположность своему брату.

Внешне тоже. Мягкие черты лица, милые щечки и широкая добрая улыбка. Хотя глаза такие же, как у Егора. Темные и выразительные, будто смотрящие прямо в душу. Но в них столько света и доброты. Никогда ничего подобного у Егора видеть не доводилось.

— Много народу работает в доме? — решаюсь спросить я.

— Светлана — управляющая, как правило, всегда в доме, уходит только по вечерам. Лариса приезжает раз в два дня и готовит кучу вкусностей. Есть еще Оля, она моя помощница и живет с нами, — Полина задумчиво постукивает вилкой, словно вспоминая, а потом добавляет: — Ааа, еще Федор. Наш садовник. Кстати, сад тебе тоже надо увидеть! Он невероятный, ты будешь в восторге, когда все зацветет. У нас даже есть сакуры, представляешь?

Не очень. В моей голове не укладывается ни сад, ни люди, которые могут работать с этим моральным уродом, ни тем более такая светлая и добрая Полина, являющаяся его самым близким родственником.

— Ладно, мне пора, — говорит она, отодвигая тарелку.
— У меня занятия по вокалу. А ты давай ешь, а то ты такая тоненькая!

— Ты поешь? — с интересом спрашиваю я.

— Увлекаюсь, — пожимает плечами она и смеется. — В вечном поиске себя. Что я только не перепробовала. Оооо... Кстати, здесь есть мастерская, я с радостью тебе ее покажу. Можешь бывать там, если тебе интересно, рисовать или лепить, там даже имеется гончарный круг. У нас еще есть пианино, оно в гостиной, если любишь играть. Лично мной собранная библиотека, если захочешь почитать, — она улыбается и понижает голос: — Там даже есть всякие неприличные книги. Только Егору не говори.

Посмеиваюсь, не в силах остаться равнодушной перед ее обаянием.

— А! Еще Егор недавно сделал домашний кинотеатр, чтобы можно было смотреть все новинки на большом экране. Если будет интересно, я могу тебе все показать.

Я киваю. На большее сейчас я не способна. Картинка в моей голове не сходится. Все, что говорит Полина, кажется сюрреалистичным, как и сама девушка. Оно просто все не сочетается с Егором Титовым.

— Тогда встретимся в холле перед ужином. Я проведу тебе экскурсию, а потом вместе поедим. Идет?

— Да, конечно, — с энтузиазмом киваю я и улыбаюсь ей, отмечая про себя, что вполне может быть в этом доме мне

будет не так уж плохо, если в нем есть такой лучик, как Полина.

Она улыбается в ответ. А потом... выкатывается из-за стола.

Инвалидное кресло едет бесшумно, а сама девушка управляет им с помощью пульта на подлокотнике.

Глава 12

Яна

С Титовым спустя неделю с вечера свадьбы мы ни разу не пересеклись. Как сказала Полина, он часто оставался в городской квартире, когда на работе наваливалось много дел, чтобы не тратить время на дорогу.

Я даже было подумала, что моя жизнь почти не изменилась. Но выводы сделала рано. Спустя еще неделю Титов два раза выдергивал меня с учебы, потому что сначала ему нужна была жена для сопровождения на открытии выставки. А потом на семейный ужин в ресторане с инвесторами, который был вечером, но, чтобы к нему подготовиться, мне пришлось уехать с последней пары, чтобы успеть к назначенному времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.